

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОРЕИ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ

Галиев А.А.¹

¹ доктор исторических наук, профессор кафедры послевузовского образования КазУМОиМЯ имени Аблай хана, Алматы, Казахстан
galiev_anuar@mail.ru

Кадырбек Д.А.²

² магистрант КазУМОиМЯ имени Аблай хана, Алматы, Казахстан
dinmukhamed.kad@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена социально-экономической жизни Кореи в период оккупации. В статье поставлена задача рассмотрения основных хронологических событий в период оккупации Кореи, в ней также рассматриваются наиболее важные события и изменения в жизни корейского населения под влиянием Японии не только в экономическом, но и в культурном плане. Также были рассмотрены цели и действия Японского правительства на территории корейского полуострова. В отечественной литературе этой теме уделено не так много внимания. В основном были рассмотрены американские корейские и японские научные труды на эту тему. В ходе исследования, описывается колониальная система Кореи и ее правительства в лице японского генерал губернаторства. Также отражены культурные и экономические потрясения Кореи того времени.

Ключевые слова: Корея, Япония, колониальный период, женщины для утешения, восприятие истории.

Менее чем за полвека вестернизация Японии привела ее к превращению из изолированного феодального общества в промышленно развитую мировую державу. Именно в период Мэйдзи (1868-1912) Япония сделала экономический рывок и уже могла противопоставить себя западным империям, создав централизованную бюрократическую систему, которая заменила баланс сил между автономными владениями. Призывная армия заменила военную власть самураев, а правительство импортировало иностранных советников и технологии для промышленных, коммерческих и образовательных целей. Были отправлены официальные миссии для изучения современных западных обществ, и Япония позже приняла лозунг «Богатая страна, сильная армия». Расширив свои границы колониями в азии, Япония закрепила себя на карте мира 20 века как сильная милитаристическая империя.

Впервые Япония продемонстрировала свою новую и модернизированную военную мощь в результате поражения манчжурской армии в китайско-японской войне 1894–1895 годов. Япония не только устранила своего конкурента в азиатско тихоокеанском регионе, но и повысила престиж своей страны, заключив в 1902 году союз с Великобританией как равноправной державой. Однако одной из самых существенных побед японской военной машины случилось в 1905 году, когда Япония победила Россию в русско-японской войне присоединив земли южного Сахалина, Тайваня и островов Рюкю. В это время экспансии Япония проявляла все больший интерес к Корее.

В 1910 году Япония полностью захватила Корею. Для Японии Корея была не только привлекательным объектом для военной мобилизации и экспансии, но также служила хорошей защитой от вторжений на западный периметр островного государства.

Методология. Статья актуальна тем, что основана на анализе хронологических событий колониального периода Кореи. Были изучены и подвержены анализу статьи, газетные источники того времени, а также документы. Из общенаучных методов, которые использовал автор, необходимо отметить следующие: метод анализа и синтеза, сравнительно исторический метод, а также метод историзма.

Исследователи из стран СНГ, в том числе и Казахстана практически не рассматривали данный аспект проблемы. Эта эпистемологическая проблема более изучена и изложена в корейской, японской и западной историографии. В данной статье были взяты работы российских и советских ученых, таких как Кузнецов С.И., Иванов К.В., Кистанов В.О., Курбанов О.С. и других. Также были изучены статьи американских историков, таких как Робинсон К., Макнамара Д., и т.д. Особо ценными были корейские и японские источники за авторством Сабуро И., Йошида С., Ли Ё., Сон Е и т.д.

В колониальные годы Япония рассматривала Корею и ее жителей как предмет администрирования, установив в Корее власть генерал-резидента, отправленного для решения таких задач. Генерал-губернатор был наделен всеми полномочиями в отношении корейской дипломатии, внутреннего управления и военных дел. Корейское “марионеточное правительство” приняло агрессивную политику Японии в области финансов, банковского дела, сельского и лесного хозяйства, горнодобывающей промышленности, транспорта, образования, культуры, юриспруденции, внутренней безопасности, местной администрации и королевского двора. Большое количество японских чиновников проникло в исполнительную и судебную ветви корейского правительства, ускорив японскую схему полного корейского господства. Корейские вооруженные силы были разоружены и расформированы, а судебная система была. Более того, в секретном меморандуме, приложенном к корейско-японскому соглашению, было оговорено, что корейские вооруженные силы будут распущены, а суды, недавно построенные тюрьмы и полиция будут переданы японскому руководству. Это позволило японцам взять на себя фактически судебную и исполнительную власть.

При широком субсидировании от правительства японские торговцы расширяли свое влияние на полуостров. Японские фирмы работали в Корее с огромным капиталовложением. Число японцев, проживавших в Корее в 1908 году, составляло 126 000, а к 1911 году это число возросло до 210 000 [1, с. 128].

Арендаторское сельское хозяйство было широко распространено в Корее еще до того, как появилась Япония. В 1910-х годах около 70% всех фермерских хозяйств были либо, фермерами-собственниками-арендаторами, либо фермерами-арендаторами, при этом около половины площади пахотных

земель обрабатывались фермерами-арендаторами. Из всех рисовых полей почти 70% возделывались фермерами-арендаторами. Многие корейские землевладельцы в то время были отсутствующими землевладельцами, которые не были заинтересованы в управлении своей фермой и даже не жили в местных деревнях. До аннексии фактическая работа по управлению некоторыми фермами выполнялась японцами, жившими в Корее. Число японских жителей, занятых в сельском хозяйстве, также быстро росло по мере того, как захват Японии корейской земли набирал силу. Корейские фермеры, контролируемые ростовщицким японским капиталом, стали легкой добычей экспроприации.

В 1912 году правительство обнародовало законы, которые позволили японцам владеть землей на территории Кореи. Япония реализовала крупномасштабную программу переселения, в рамках которой 98000 японских семей-собственников поселились в Корее до 1918 года. Вскоре корейские фермеры не только лишились своей земли, но и были вынуждены работать на правительство. Количество голодающего местного населения резко возросло. Японский план предусматривал передачу японским переселенцам государственных невостребованных земель, военных ферм, возделываемых войсками, и мобилизацию корейских рабочих для их освоения. В течение года компания захватила 30 000 гектаров которые располагались на территории военных ферм и на невостребованных землях. Посредством полного контроля корейского правительства над своим собственным финансовым управлением генерал-губернаторство также отдало собственность королевского двора в частные руки тем самым ликвидировав финансовую помощь зарождающимся сепаратистским движениям.

В рисовом поясе южной Кореи имели большое влияние японские частные лица и компании, которым принадлежало от нескольких сотен до нескольких тысяч гектаров рисовых полей. Самой крупной компанией этого типа была Toyo Takushoku Kabushiki Kaisha (Компания по развитию восточных регионов), национальное предприятие Японской империи, основанное в 1908 году. Было вполне естественно, что эти японские землевладельцы первыми переняли улучшенные сорта риса. Их основная цель заключалась в том, чтобы максимизировать свой доход за счет экспорта риса, который они собирали в качестве арендной платы от арендаторов, на внутренний рынок в Японии. Однако даже в конце 1920 года японцы, жившие в Корее, владели лишь около 10% всех посевных площадей риса в Корее [2, с. 285]. Этот факт предполагает, что корейцы также сыграли свою роль в широком распространении улучшенных сортов риса.

В 1915 году Генеральное правительство издало постановление, согласно которому инспекция риса возложена на провинциальную власть. В 1917 году правила были пересмотрены, и проверки оплачивались из провинциальных бюджетов. В 1932 году был сделан следующий шаг: были открыты центры зерновой инспекции и инспекция риса на экспорт стала национальной операцией. Что касается упаковки, Генеральное правительство в 1927 году издало правила проверки камасу (соломенных пакетов), призванные улучшить качество пакетов и обеспечить их единообразие. В 1932 году были

разработаны спецификации для стандартных соломенных мешков. Генерал-губернаторство также поддерживало операции по хранению риса. Продажи риса, как правило, были сосредоточены осенью и зимой после сбора урожая, когда снижение цен было неизбежным. Современные складские помещения необходимы как в регионах, производящих рис, так и в портах, где рис загружается, как для поддержания качества риса, так и для корректировки периода продажи. В 1930 году Генеральное правительство объявило о плане строительства хранилищ риса в Корее, который лег в основу создания компании Chosen Beikoku Soko Kabushiki Kaisha (Корейская компания по хранению риса).

Целью компании было строительство и эксплуатация «коммерческих» складов риса в портах и «сельскохозяйственных» складов риса в регионах, производящих рис, а также предоставление низкопроцентного финансирования под залог хранимого риса. Согласно плану, строительство коммерческих складов риса шло быстрыми темпами; к 1933 году их общая мощность составляла 1,6 млн коку. Прежде чем собранный рис попадет к потребителю, его необходимо очистить от шелухи и отполировать. Эта обработка была произведена частными компаниями; Генерал-губернаторство не принимало в ней прямого участия до последних этапов Второй мировой войны [3, с. 77-102].

Кроме того, по оценкам исследователей свыше 700 000 корейского населения были отправлены на Сахалин и в некоторые районы южных островов Тихого океана в качестве принудительных рабочих в горнодобывающей, строительной и судостроительной отраслях.

Помимо отправки рабочей силы на свои земли, Япония также воспользовалась и природными ресурсами Кореи. Генерал-губернаторство в 1911 году ввело принудительные меры, которые дали японцам свободу вырубать деревья, что дало японским лесозаготовительным компаниям больше полномочий в обращении с корейскими ресурсами. В мае 1918 года японцы обнародовали Закон о лесном хозяйстве Кореи, который заставлял владельцев лесных хозяйств регистрироваться в колониальном управлении. Контролируя, каким компаниям будет разрешено заниматься лесным хозяйством, а каким нет, японцы под предлогом национализации передали в собственность 1 090 000 га лесов и 3 090 000 га могильных лесов японским лесозаготовительным компаниям. Разрешение японским компаниям заниматься лесным хозяйством на корейских землях привело к чрезмерной вырубке деревьев, что в свою очередь вызвало опустошение корейских лесов и обширной эрозии в горах. Например, используя благоприятные новые условия, компания «Ориентал Девелопмент» смогла расширить свою собственность на землю до 154 221 га. Количество фермеров-арендаторов в подчинении компании превысило 300 тысяч. Эти же фермеры-арендаторы в свою очередь были лишены права обрабатывать землю. Количество споров о праве собственности на землю, возникших в результате проводимой политики, составило 34 тысячи дел. Большинство этих земельных споров исходило от местных корейских фермеров, которые были лишены своей земли в результате обвинений со

стороны японцев в их попытках незаконного приобретения земли. Генерал-губернаторство разрешало споры путем применения «закона о принудительном примирении».

Правительство также приняло Положение о рыболовных ассоциациях в 1912 году, которое поставило корейский промысел под контроль Японии, обеспечив совместную продажу всего улова корейских рыбаков. Около 30 000 японских рыбаков, проживающих в Корее, и около 90 000 японских рыбаков, в основном браконьеры, опустошили корейские рыболовные угодья, которые обеспечивали пропитание 200 000 корейских рыбаков [4, с. 126].

С 1911 по 1940 год корейская горнодобывающая и обрабатывающая промышленность резко выросла. Что касается реальной добавленной стоимости, то среднегодовые темпы роста в горнодобывающей промышленности составляли около 12%, а в обрабатывающей промышленности - 9%. Расширение было особенно быстрым в 1930-е годы, годовые темпы роста приближались к 20% и 10% соответственно. Обычно говорят, что Генерал-губернаторство проводило политику подавления в обрабатывающей промышленности Кореи в 1910-х годах, пассивную в 1920-х годах и активную в 1930-х годах. Несомненно, что по сравнению с сельскохозяйственным сектором Генерал-губернаторство не проявляло особого интереса к индустриализации Кореи в 1910-х и 1920-х годах. Однако нельзя сказать, что 1910-е были эпохой подавления. Многие исследователи упоминают Постановление о компаниях в качестве основной основы политики подавления. Обнародованный Генерал-губернатором в 1910 году, он требовал официального разрешения для создания компании. По словам «подавляющего», цель этого Постановления заключалась в том, чтобы предотвратить развитие торговли и промышленности в Корее, особенно корейского капитала. Они подчеркивают, что многие заявки на создание компаний, поданные корейцами, были отклонены. Но это мнение - просто результат неправильного прочтения данных. Фактически, был одобрен высокий процент заявок на формирование компании Colonial Development of Modern Industry in Korea, 1910-1939 / 40, представленных корейцами.

Хотя теоретически корейцы, как подданные Японской империи, должны были иметь такой же статус, как и граждане Японии, японское правительство относилось к корейцам как к побежденному народу и пыталось искоренить многие аспекты культурной идентичности. Канадский журналист Фредерик Артур Маккензи живший в Корее в период оккупации так описывал положение страны в тот момент: Однако становилось все более и более очевидным, что целью японцев было не что иное, как полное поглощение страны и уничтожение всех следов корейской национальности. Один из самых влиятельных японцев в Корее откровенно сказал мне об этом. «Вы должны понимать, что я не выражаю официальных взглядов», - сказал он мне. «Но, если вы спросите меня как человека, каков будет результат нашей политики, я вижу только один конец.... Корейский народ будет поглощен японцами. Они будут говорить на нашем языке, жить нашей жизнью и быть неотъемлемой частью нас. Мы научим их нашему языку, создадим наши учреждения и

сделаем их единым целым с нами». Таков доброжелательный японский план; более грубая идея, которую обычно рассматривают, состоит в том, чтобы поглотить корейские земли, передать всю промышленность страны в руки японцев и черпать воду для их триумфальных завоевателей. Японец считает, что кореец находится на совершенно ином уровне, чем он сам, для него он трус, слабак и хулиган. Он презирует его и обращается с ним соответственно [5].

Чтобы предотвратить сопротивление корейского народа, генерал-губернаторство Японии должно было заботиться о повышении осведомленности и просвещения общественности. Таким образом, в ходе общенационального поиска книг по истории и географии Кореи в 1910 году было конфисковано и сожжено от 200 000 до 300 000. Изъятые книги содержали такие материалы, как биографии национальных героев прошлых веков и корейские переводы иностранных книг, касающихся независимости, национализма и революции. Япония также попыталась переосмыслить корейскую историю, чтобы предотвратить национализм [6, с. 169]. Японское правительство приказало историкам из исследовательского отдела Южно-Маньчжурской железнодорожной компании написать новую «историю» Кореи. Книга «История Корейского полуострова» выпущенная в 1915 году является примером одной из книг, написанных японскими историками. Они ограничили сферу корейской истории полуостровом, «оторвав его от отношений с азиатским континентом и отмахнувшись от ошибочных суждений корейских историков». Помимо изменения корейской истории, японское Генерал-губернаторство закрывало газеты (газеты были позже разрешены, но подверглись жесткой цензуре), арестовывало корейских политиков и представителей корейской интеллигенции, а также вводила запрет на собрания. Попытка японцев искоренить корейское национальное самосознание стала еще более заметной в образовательной политике. Правительство усилило контроль как над традиционными, так и над частными школами. Школы были закрыты, и детям было отказано в возможности учиться, в результате чего сотни тысяч молодых людей по всей стране остались необразованными и неграмотными. В период с 1910 по 1922 год количество частных школ сократилось с 2000 до 600. Однако школы постоянно открывались в районе Кандо. В 1919 году только в Маньчжурии количество корейских школ достигло 130 [7, с 47].

Чтобы сохранить свою твердую власть в Корее, Япония не позволяла корейцам организовывать группы и подавляла любые формы политического инакомыслия или восстания. В знак протеста против японского правительства 1 марта 1919 г. корейцы подняли общенациональное восстание, известное как «Движение 1 марта». Группа корейских оппозиционеров начала борьбу за независимость как внутри страны, так и за рубежом, организовывая массовые уличные протесты по всей стране. В ответ на протесты Япония инициировала жестокую кампанию репрессий, используя военных для срыва демонстраций. Шесть японских пехотных батальонов и 400 военнослужащих военной

полиции были задействованы для подавления мирных протестов. В итоге 7500 корейцев были убиты и 16000 ранены.

Правительство генерал-губернатора жестоко подавляло восставшие массы. Многих корейцев пытали, чтобы получить информацию о возможных восстаниях и заговорах. Заговорщиков либо сажали в тюрьму, либо казнили, чаще всего без суда. Один из примеров усилий Японии по подавлению сопротивления произошел 15 апреля 1919 года. Тридцати сельским жителям было приказано собраться в христианской церкви отрядом японских войск. После этого окна и двери церкви были закрыты, позже здание подожгли, в то время как японские войска обстреливали жителей деревни. Такие акты устрашения были не редкостью, так как за это военных японцев массово поощряли.

В 1920-х годах экономическая политика и грубая сила работали вместе, чтобы предотвратить восстание набирающих популярность у местного населения корейских националистов и поддержать японскую колониальную идеологию. Как упоминалось ранее, экономическая политика увеличила социально-экономическую дистанцию между корейскими арендодателями и корейскими арендаторами; то же самое было верно в отношении политики. Корейские помещики составляли большинство корейской элиты, которая составляла умеренную фракцию националистического движения. С другой стороны, корейские арендаторы были преимущественно радикальными социалистами. Умеренные стремились работать в колониальных рамках, в то время как радикалы хотели полного свержения колониальной системы [8, с. 65-90]. Таким образом, радикалы заклеили умеренных националистов, которые работали в колониальной системе, как японских коллаборационистов. Классовая напряженность, возникшая в результате более ранней экономической политики, привела к расколу внутри корейского националистического движения [9].

С ростом напряженности на протяжении 1930-х годов, ведущей к войне к концу десятилетия, к подпитке внутренней экономики Японии и необходимости ее непрерывной кампании милитаристской имперской экспансии предъявлялись новые требования. Японии угрожала огромная нехватка рабочей силы для обслуживания различных фабрик и предприятий, которые посвятили большую часть своей продукции военным усилиям. Принудительный труд, набранный из местного населения территорий, непосредственно колонизируемых или находящихся под контролем японских имперских сил, несомненно, имел место с установлением марионеточного режима Маньчжоу-Го. Эксплуатация Маньчжоу-Го и других контролируемых японцами и колонизированных регионов, особенно Кореи, из-за их материальных и человеческих ресурсов возрастало пропорционально увеличению военных действий и их требований.

Для Кореи 1931 год совпал с назначением Угаки Казусигэ генерал-губернатором колонии. Его политика была нацелена на большинство отраслей использующие недорогие поставки рабочей силы Кореи для производства продуктов и ресурсов для собственной милитаризованной экономики Японии.

Чтобы мобилизовать человеческие ресурсы, Угаки продвигал все более принудительную программу этнической ассимиляции в школах. Он расширил обязательное обучение японскому языку и резко ограничил преподавание корейского языка в школах. К концу 1930-х годов корейский язык был полностью запрещен [10, с. 9].

Начиная с 1937 года внутренняя нехватка рабочей силы на основных японских островах усугублялась давлением на военнослужащих в связи с началом полномасштабной войны в Китае и других странах Юго-Восточной Азии. Во время Второй мировой войны колониальная идеология работала через экономические механизмы, которые институционально побуждали корейцев вносить свой вклад в военные усилия Японии. В 1937 году, доведенные до крайней нищеты японскими экономическими механизмами, корейские мужчины с готовностью записывались в солдаты, а корейские женщины уезжали из дома в поисках работы. В свою очередь, к 1939 году японские власти обнародовали Закон о национальной мобилизации рабочей силы, который разрешал вербовку (а затем и призыв) корейских рабочих для удовлетворения спроса на рабочую силу в тяжелой промышленности, горнодобывающей промышленности и строительстве военной инфраструктуры как в контролируемых Японией, так и в районах материкового Китая, в основном, в пределах основных островов собственно Японии. Тяжелые требования войны в Японии вынуждало страну ограничить не только собственные человеческие ресурсы, но и использовать корейскую рабочую силу.

К тому времени, когда китайский и южный фронты зашли в тупик в конце 1942 года, почти все здоровые мужчины в Японии были либо мобилизованы в вооруженные силы, либо призваны на военную промышленность, так что из всего этнического японского населения из 70 миллионов более 10 миллионов были мобилизованы на военные цели. Правительство также начало вербовать корейскую молодежь в японскую армию в качестве добровольцев в 1938 году и в качестве призывников в 1943 году.

Ситуация стала неблагоприятной, и общенациональная мобилизация достигла своего предела [11, с. 132-135]. Нехватка рабочей силы обострилась на строительстве баз, аэродромов, дорог, гаваней и т.п., необходимых для продолжения кампании как в Японии, так и на оккупированных территориях, и военные операции были затруднены. Таким образом, имперское правительство приняло в качестве национальной политики использование человеческих ресурсов Корейского полуострова и подготовило корейцев на основании постановлений кабинета министров и министерств.

Некоторые формы трудовой «вербовки» были равносильны похищению. Было бесполезно надеяться, что достаточное количество корейцев добровольно станут членами «рабочей силы» Японии. Таким образом, местные должностные лица по трудоустройству Японии на полуострове должны были ждать, пока семьи уснут, а затем посреди ночи нападать на дома, где жили потенциальные работоспособные мужчины. Другой метод заключался в том, чтобы отправить грузовики в поля и погрузить в них людей, которые понятия

не имели, что с ними происходит. Когда таким образом будет собрана определенная захваченная рабочая сила, корейцев отправят на рудники в Хоккайдо (Северная Япония) или на остров Кюсю (Южная Япония). Такими методами местные “трудовые офисы” в Корее выполняли свои обязанности по найму рабочей силы.

В годы войны, казалось бы, ненасытный спрос на рабочую силу был удовлетворен планами собрать больше людей, на этот раз из материкового Китая. Начиная с 1943 года, десятки тысяч китайских военнопленных и гражданских лиц были собраны и отправлены в Японию для каторжных работ в тяжелой промышленности и горнодобывающей промышленности. Масштабы японской мобилизации корейских рабочих, насильственно доставленных в Японию между 1939 и 1945 годами по оценкам исследователей в общей сложности, составлял от 670 000 до 930 000 из которых от 20 000 до 60 000 предположительно погибли.

Принято считать, что как для китайских, так и для корейских рабочих, служащих в Японии, основные причины смерти были недоедание, истощение и перенапряжение или несчастные случаи, на рабочем месте которые напрямую связаны с тяжелыми условиями жизни и труда, которым подвергались многие рабочие. Другие причины включают насильственное подавление протестов рабочих и беспорядков (400 человек были убиты в июне 1945 года в инциденте на японском медном руднике), убийство покушавшихся на бегство и, по крайней мере, в одном случае предполагаемое убийство рабочих во избежание раскрытия секретных японских военных объектов.

Так называемые "станций утешения" публичные дома, находящиеся под прямым контролем и управляемые японскими военными, были расположены вдоль линии фронта и обслуживаемые "женщинами для утех" были во многих оккупированных территориях Кореи и Китая. Оказавшись на фронте, всех женщин заставляли служить проститутками в японских войсках. Солдаты обычно должны были платить за услуги этих женщин, однако многим женщинам не платили. Другие получали «плату» в виде военных билетов, которые использовались только для покупки предметов первой необходимости, таких как мыло или продукты питания. Таким образом, женщины работали в условиях, более близких к рабству, чем к проституции. Нет точной цифры, устанавливающей окончательное количество нанятых женщин для утех, но документальные свидетельства доступные на данный момент предполагают цифры в диапазоне от 80 000 до более 200 000. Подавляющее большинство, а именно 85% “женщин для утех” размещенных на территории, контролируемой Японией составляли корейские женщины.

Элемент обмана часто использовался военными и гражданскими вербовщиками при поиске корейских женщин (многие из которых были бедными) с различными обещаниями учебы, респектабельной гражданской работы. Более того, многие из военных и гражданских вербовщиков корейских “женщин для утех” часто были другими корейцами. [12] К 1942 году спрос на трудовые ресурсы в Японии вынудил мобилизовать корейские ресурсы для удовлетворения своих экономических потребностей и потребностей военного

времени, женщин собирали для обслуживания промышленности военного времени на фабриках. В 1943 году был создан “Корпус добровольной службы женщин”, целью которого было объединение корейских женщин для участия в войне. К августу 1944 года генерал-губернатор Кореи ввел в действие “Закон о добровольной трудовой деятельности женщин”, который мог «заставлять незамужних женщин в возрасте от 12 до 40 лет участвовать в военных действиях в течение 12 месяцев». По сути, это был приказ о призыве кореянок. Эти инструменты использовались для направления корейской женской рабочей силы на работу на фабриках, те же инструменты использовались для призыва корейских женщин в качестве «женщин для утех». Рационализация включала мнение о том, что изнасилования (или половые акты) «обеспечивают боевой дух у японских солдат».

Япония также начала строить крупномасштабную промышленность в Корее в 1930-х годах в рамках общереспубликанской программы экономической самостоятельности и подготовки к войне. В период с 1939 по 1941 год обрабатывающий сектор составлял 29 процентов от общего экономического производства Кореи. Основные отрасли промышленности - сельское хозяйство, рыболовство и лесоводство - занимали в этот период лишь 49,6 процента от общего объема производства, в отличие от 84,6 процента от общего объема производства в период с 1910 по 1912 год.

Практически все отрасли промышленности принадлежали либо японским корпорациям, либо дочерним японским корпорациям в Корее. По состоянию на 1942 г. корейский капитал составлял лишь 1,5% от общего капитала, инвестированного в корейскую промышленность. С корейских предпринимателей взимались процентные ставки на 25 процентов выше, чем с их японских коллег, поэтому корейским предприятиям было трудно открыться. Японцы захватывали все больше и больше сельскохозяйственных угодий, и все больше корейских фермеров либо становились издольщиками, либо мигрировали в Японию или Маньчжурию. По мере того, как в Японию экспортировалось все больше корейского риса, потребление риса корейцами на душу населения снижалось; между 1932 и 1936 годами потребление риса на душу населения снизилось до половины уровня, потребляемого в период с 1912 по 1916 год. Хотя правительство импортировало фуражное зерно из Маньчжурии, чтобы увеличить запасы продовольствия в Корее, потребление продовольственного зерна на душу населения в 1944 году было на 35 процентов ниже, чем в 1912-1916 гг. [13].

Под японским правлением страну наводнили интеллектуальные влияния, отличные от традиционных буддийских, конфуцианских и шаманских верований. Была представлена живопись в западном стиле, и литературные тенденции, даже среди писателей, которые подчеркивали темы социального протеста и национальной независимости, имели тенденцию следовать японским и европейским моделям, особенно тем, которые были разработаны в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков. Произведения русских, немецких, французских, британских, американских и японских авторов читались более образованными корейцами, а корейские писатели все чаще

перенимали западные идеи и литературные формы. Были видны социальные и политические темы. «Слезы крови», первый из «новых романов», опубликованный И Ин Джик в серийной форме в журнале в 1906 году, подчеркивал необходимость социальных реформ и культурного просвещения по западным и японским образцам. В книге И Гван Су «Бессердечные», опубликованной в 1917 году, подчеркивается необходимость массового образования, западной науки и отказа от старой семьи и социальной системы. В книге «Готовая жизнь» Чаэ Ман Сика, опубликованной в 1934 году, был протест против несправедливости колониального общества [14, с. 51-52].

В 20-30-е годы социалистические идеи начали оказывать влияние на развитие литературы. В 1925 году левые художники, отвергнув романтизм многих современных писателей, создали Федерацию корейских пролетарских художников, которая просуществовала до тех пор, пока не была подавлена японскими властями в 1935 году. Одним из лучших представителей этой группы был И Ки Ён. В его романе 1936 года «Дом» рассказывается о несчастьях сельских жителей под властью Японии и попытках главного героя, студента, организовать сопротивление. Поэтами колониального периода были И Санг-хва, Ким Со-вол и Хан Ён Ын. Но начало Второй китайско-японской войны ознаменовало период беспрецедентных репрессий в культурной сфере со стороны японских властей, которые продолжались до освобождения Кореи в 1945 году.

С конца 1930-х до 1945 года колониальное правительство проводило политику ассимиляции, основной целью которой было заставить корейцев говорить по-японски и считать себя японскими подданными. В 1937 году генерал-губернатор Японии приказал, чтобы все обучение в корейских школах велось на японском языке и чтобы ученикам не разрешалось говорить по-корейски ни в школе, ни за ее пределами [11, с. 169]. В 1939 году другой указ «поощрял» корейцев принимать японские имена, и к следующему году стало известно, что это сделали 84 процента всех корейских семей. В годы войны газеты и журналы на корейском языке были закрыты. Вера в божественность японского императора поощрялась, и синтоистские святилища строились по всей стране. Если бы японское правление не закончилось в 1945 году, то судьба коренного корейского языка, культуры и религиозных обычаев была бы чрезвычайно неопределенной.

Японский правительственный контроль был особенно сильным в военные годы противостояния с Китаем. Однако внутреннее корейское сопротивление практически прекратилось в 1930-х годах, когда полиция и военные жандармы установили строгий надзор за всеми людьми, подозреваемыми в подрывной деятельности, и сурово наказали непокорных. Большинство корейцев предпочли выразить признательность колониальному правительству. Остальные активно сотрудничали с японцами. Обращение с коллаборационистами стало деликатным, а иногда и насильственным вопросом в первые годы после освобождения.

В заключении хочется отметить, что данный этап был очень важным для страны в то время и становление корейской нации как таковой произошло

именно в этот период ведь именно в колониальный период в Корее начал расти национализм и патриотизм. Именно в то непростое для корейского народа время проснулось национальное самосознание корейцев несмотря на усилия японского правительства его подавить. Этот период подарил корейскому народу большое количество деятелей искусства и интеллигенции. Именно исторический фактор в дальнейшем будет влиять на отношение Южной Кореи и Японии. Сейчас, когда обе страны являются экономическими гигантами не только азиатско-тихоокеанского региона но и всего мира “камнем преткновения” в отношениях двух стран является именно колониальный период.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кузнецов С.И. Исполнительная власть в Японии: личность и история (1885-1945) / Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию, Иркут. гос. ун-т. - Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1996. - 128 с.
- [2] Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940-1945). Записки и размышления очевидца / Отв. ред. Ю.В. Ванин. - М.: Наука, 1992. - 285 с.
- [3] Choi Chungmoo. The Discourse of Decolonization and Popular Memory: South Korea // Positions Spring. Duke University Press. - 1993. - Vol. 1, No. 1. - P. 77-102.
- [4] Dilemmas of Reconciliation. - Waterloo ON: Wilfred Laurier University Press, 2003. - P. 126.
- [5] Hauser, William B. History of Japan. 2 August 2003. <http://www.japanesegojuryukaratedo.com/japan%20History.htm>.
- [6] The incident occurred on June 20, 1945 at the Hanaoka Copper Mine, Akita Prefecture. 850 Chinese workers were involved in the riot over working conditions.
- [7] Dower, John W. War without Mercy: Race and Power in the Pacific War. - New York: Pantheon, 1986. – P. 47 (cites the estimated figure of 670,000 labourers and 60,000 deaths between 1939 and 1945 from a 1974 source (see Dower, footnote 38. I have not included 10,000 who may have perished in the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki in August, 1945). Korean historian Pak Kyong-Sik, cited in Schmidt, at p. 83, gave an estimate of "4.5 million ... mobilized within Korea and about one million ... forcibly transferred to Japan. Pak estimates that about two percent [hence: 20,000] of the one million were forcibly transferred to Japan." It is not entirely clear to me if the one million "mobilized" specifically refers to labourers or a combined grouping of military and civilian conscripts, and hence I consider it tentative. Ienaga also cites Pak Kyong-Sik in Pak's work, Chosenjin kyosei kenko no kiroku (Korean Slave Labourers) (no date given) as a source for the following figures (p. 158, and footnote 29): "Approximately 187,000 soldiers and more than 20,000 sailors came from [Korea]. If forced [labourers] are included, a total of 370,000 Koreans were pressed into war duty. " [Emphasis added] Of this figure, there were only 191,000 forced labourers, though this figure may only reflect numbers from 1941 to 1945.
- [8] Kim Keong-il. Nationalism and Colonialism in Japan's "Greater East Asia Co-Prosperity Sphere" in World War II // The Review of Korean Studies. - 2002. - Vol. 8. No. 2. - P. 65-90.
- [9] McNamara, Dennis. Imperial Expansion and Nationalist Resistance in Korea, 1879-1910. - Michigan: University, 1985.
- [10] Minow M. Between Vengeance and Forgiveness. - Boston: Beacon Press, 1998. – P. 9.
- [11] Yoshida Seiji (quoted in George Hicks). The Comfort Women: Japan's Brutal Regime of Enforced Prostitution in the Second World War. - New York: W.W. Norton, 1994. – P. 51-52.
- [12] Matsuki Kunitoshi. Japan's Annexation of Korea. Society for the Dissemination of Historical Fact. http://www.sdh-fact.com/CL02_1/76_S4.pdf (3.04.2014).
- [13] Michael E. Robinson Korea's Twentieth-Century Odyssey: A Short History Copyright Date: 2007. - Hawaii: University of Hawai'i Press, 2007.

[14] Dwyer S. Reconciliation for Realists / In: Carol A.L. Prager and Trudy Govier, eds. - New York: W.W. Norton, 1994. – P. 51-52.

REFERENCES

[1] Kuznetsov S.I. Ispolnitel'naya vlast' v Yaponii: lichnost' i istoriya (1885-1945) (Executive Power in Japan: Personality and history (1885-1945) Gos. kom. Ros. Federatsii po vyssh. obrazovaniyu, Irkut. gos. un-t. - Irkutsk: Irkut. gos. un-t, 1996. – 128 p.

[2] Shabshina F.I. V kolonial'noy Koreye (1940-1945). Zapiski i razmyshleniya ochevidtza (In colonial Korea (1940-1945).(Notes and reflections of an eyewitness). Otv. red. YU.V. Vanin. — M.: Nauka, 1992. — 285 p.)

[3] Choi Chungmoo. The Discourse of Decolonization and Popular Memory: South Korea. Positions Spring. Duke University Press. - 1993. - Vol. 1, No. 1. - P. 77-102.

[4] Dilemmas of Reconciliation. - Waterloo ON: Wilfred Laurier University Press, 2003. - P. 126.

[5] Hauser, William B. History of Japan. 2 August 2003. <http://www.japanesegojuryukaratedo.com/japan%20History.htm>.

[6] The incident occurred on June 20, 1945 at the Hanaoka Copper Mine, Akita Prefecture. 850 Chinese workers were involved in the riot over working conditions.

[7] Dower, John W. War without Mercy: Race and Power in the Pacific War. - New York: Pantheon, 1986. – P. 47 (cites the estimated figure of 670,000 labourers and 60,000 deaths between 1939 and 1945 from a 1974 source (see Dower, footnote 38. I have not included 10,000 who may have perished in the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki in August, 1945). Korean historian Pak Kyong-Sik, cited in Schmidt, at p. 83, gave an estimate of "4.5 million ... mobilized within Korea and about one million ... forcibly transferred to Japan. Pak estimates that about two percent [hence: 20,000] of the one million were forcibly transferred to Japan." It is not entirely clear to me if the one million "mobilized" specifically refers to labourers or a combined grouping of military and civilian conscripts, and hence I consider it tentative. Ienaga also cites Pak Kyong-Sik in Pak's work, Chosenjin kyosei kenko no kiroku (Korean Slave Labourers) (no date given) as a source for the following figures (p. 158, and footnote 29): "Approximately 187,000 soldiers and more than 20,000 sailors came from [Korea]. If forced [labourers] are included, a total of 370,000 Koreans were pressed into war duty. " [Emphasis added] Of this figure, there were only 191,000 forced labourers, though this figure may only reflect numbers from 1941 to 1945.

[8] Kim Keong-il. Nationalism and Colonialism in Japan's "Greater East Asia Co-Prosperity Sphere" in World War II. The Review of Korean Studies. - 2002. - Vol. 8. No. 2. - P. 65-90.

[9] McNamara, Dennis. Imperial Expansion and Nationalist Resistance in Korea, 1879-1910. - Michigan: University, 1985.

[10] Minow M. Between Vengeance and Forgiveness. - Boston: Beacon Press, 1998. – P. 9.

[11] Yoshida Seiji (quoted in George Hicks). The Comfort Women: Japan's Brutal Regime of Enforced Prostitution in the Second World War. - New York: W.W. Norton, 1994. – P. 51-52.

[12] Matsuki Kunitoshi. Japan's Annexation of Korea. Society for the Dissemination of Historical Fact. http://www.sdh-fact.com/CL02_1/76_S4.pdf (3.04.2014).

[13] Michael E. Robinson Korea's Twentieth-Century Odyssey: A Short History Copyright Date: 2007. - Hawaii: University of Hawai'i Press, 2007.

[14] Dwyer S. Reconciliation for Realists. In: Carol A.L. Prager and Trudy Govier, eds. - New York: W.W. Norton, 1994. – P. 51-52.

ОККУПАЦИЯ КЕЗІНДЕГІ КОРЕЯНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК- ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨМІРІ

Галиев А.А. ¹,

¹ тарих ғылымдарының докторы, жоғары оқу орнынан кейінгі білім кафедрасының профессоры, Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ

Алматы, Қазақстан, galiev_anuar@mail.ru

Кадырбек Д.А.²

²Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ магистранты,

Алматы, Қазақстан, dinmukhamed.kad@mail.ru

Аңдатпа. Мақала Кореяның оккупация кезіндегі әлеуметтік-экономикалық өміріне арналған. Мақалада Кореяны басып алу кезіндегі негізгі хронологиялық оқиғаларды зерттеу міндеті қойылған, сонымен қатар экономикалық, мәдени тұрғыдан ғана емес, Жапонияның ықпалындағы Корея халқының өміріндегі маңызды оқиғалар мен өзгерістер өзгертілген. Сонымен қатар Жапония үкіметінің Корей түбегі аумағындағы мақсаттары мен әрекеттері қарастырылды. Орыс әдебиетінде бұл тақырыпқа көп көңіл бөлінбеген. Көбіне осы тақырып бойынша американдық корей және жапон ғылыми еңбектері қарастырылды.

Зерттеуде Кореяның отарлық жүйесі және оның жапон генерал-губернаторы ұсынған үкіметі сипатталған. Сонымен қатар, сол кездегі Кореядағы мәдени және экономикалық өзгерістерді көрсетеді және осы мәселені қарастыру мақаланың өзектілігін көрсетеді.

Тірек сөздер: Корея, Жапония, отарлық кезең, әйелдер жайлылық үшін, тарихты қабылдау.

SOCIO-ECONOMIC LIFE OF KOREA DURING THE OCCUPATION

Galiev A.A.¹,

¹doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Postgraduate

Education, Ablai Khan KazUIR & WL

Almaty, Kazakhstan, galiev_anuar@mail.ru

Kadyrbek D.A.²

²master student Ablai Khan KazUIR & WL,

Almaty, Kazakhstan, dinmukhamed.kad@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the socio-economic life of Korea during the occupation. The article sets out the task of examining the main chronological events during the occupation of Korea, it also examines the most important events and changes in the life of the Korean population under the influence of Japan, not only economically but also culturally. The goals and actions of the Japanese government on the territory of the Korean Peninsula were also considered. Not much attention has been paid to this topic in Russian literature. Mostly, American Korean and Japanese scientific works on this topic were considered. The study describes the colonial system of Korea and its government represented by the Japanese governor general. It also reflects the cultural and economic upheavals in Korea at that time and all of them is actual in this article.

Keywords: Korea, Japan, colonial period, women for comfort, perception of history.

Статья поступила 28.05.2021